

От редактора отдела

Бронислава Волкова – чешско-американская поэтесса, которая к тому же пишет русские стихи в произвольной манере с образностью, напоминающей Уолта Уитмена. Мне довелось прочитать её «Изгнанничество» – написанный по-русски фрагмент эссе, имеющего более развёрнутое учёное название «Психологические, культурные, исторические и духовные аспекты эмиграции» («Psychological, Cultural, Historical and Spiritual Aspects of Exile»).

В прочитанном фрагменте, однако, мне увиделся прежде всего личный аспект этого явления, так широко распространённого в бурном и огненном XX столетии. Тяготы кочевья, отчуждение, одиночество сопровождают жизнь любого эмигранта как его неизбежные спутники или даже вериги, к которым, однако, можно привыкнуть и даже обратить себе же в плюс, на пользу своего духовного роста. Не каждый на это способен, но творческая личность (а Бронислава Волкова именно такова) находит, что «эмиграция может быть также великим даром». И далее она пишет: «Это обогащающий опыт. Он позволяет нам иметь более чем одну жизнь, более чем одну страну, более чем одну культуру, более чем один взгляд на политическую и культурную реальность».

Эта мысль мне особенно близка. Я не раз уже писал о стереоскопическом зрении, которым наделяется эмигрант, способный увидеть свою ситуацию (себя, страну, культуру) одновременно изнутри и извне. Его представления получают полноту, он как бы начинает мыслить не одним, как прежде, а обоими полушариями мозга.

Примером такого мышления как раз и является статья Брониславы Волковой.

Дмитрий Бобышев

Психологические, культурные, исторические и духовные аспекты эмиграции

Уход в эмиграцию происходит почти незаметно. Ты можешь думать об этом в течение длительного времени, прежде чем фактически «совершишь преступление»; однако ничто не подготавливает тебя к brutальному воздействию реально совершённого поступка, к масштабу его последствий. Внезапно ты становишься эмигрантом – одиноким изгоем, без людей, которые тебя знают или хотели бы познакомиться, без родителей или родственников, без языка, без друзей, без прошлого и, по-видимому, без будущего. Ты оплакиваешь потерянное, то, что было и что будет, и даже то, чего не будет никогда.

Внезапно любое воспоминание становится острым как нож, каждый шаг – фатальным и необратимым. *Alea iacta est!* Кости брошены – так или иначе, это теперь твоя жизнь, посредине и нигде. Ты больше не принадлежишь обществу или семье, ты бегунья на длинную дистанцию во вселенной. В родной стране ты объявлена персоной нон грата, и даже твои научные работы, где нет ни грамма политики, запрещены и объявлены несуществующими. Напечатанные статьи удалены из журналов, а твои книги нельзя не только хранить, но даже на них ссылаться.

Ты находишь себе новых друзей. Вначале – не среди тех людей, с которыми ты сталкиваешься, – их жизнь слишком наполненная, слишком другая, слишком спокойная, чересчур довольная собой. Ты находишь новых друзей среди тех, о ком тебе раньше не позволялось много знать, таких, как великий поэт Осип Мандельштам и его замечательная жена, писательница Надежда Мандельштам. Они вдохновляют тебя, открывая путь к собственному поэтическому творчеству. Ты читаешь их книги, и сердцу открываются новые необъятные просторы. Но ты никогда не перестаёшь скучать по своим старым друзьям, которые теперь разделились на тех, кто осмелился отвечать на твои письма, и тех, кто посчитал свои карьеры слишком важными, чтобы подвергать их опасности, либо тех, кто считает, что поддерживать отношения с тобой бесполезно в твоих новых обстоятельствах. Тебя снедает чувство вины, что ты не можешь быть рядом со своими стареющими родителями, которые болезненно по тебе тоскуют. Ты не знаешь, сможешь ли когда-нибудь обнять свою маму; ты знаешь, что почти неизбежно не сможешь похоронить родителей; знаешь, что никогда больше не проведёшь с ними вместе самый обычный день своей жизни. Ты задаёшься вопросом, позволят ли тебе когда-нибудь снова их увидеть.

Следующая станция прибытия кажется ещё более удалённой, это место, где ты не найдёшь абсолютно ничего такого, что связывало бы тебя с тем, кто ты есть: Америка. Ты ведёшь странное существование не-гражданина. У тебя есть определенная маска, которую ты надеваешь каждый день, когда выходишь из дома – на работу, в магазин, на вечеринки и т. д. Это маска человека, который пришёл из чужой страны, о которой никто много не знает, и этот человек теперь пытается использовать свои навыки или знания в другой обстановке. Это всё. В душе ты всё ещё оплакиваешь друзей, до которых не можешь докричаться, своих стареющих родителей, боль потери которых ты ощущаешь с каждым днём всё острее, тоскуешь по своей старой квартире, по предметам мебели, которые ты вынуждена была оставить, по своей старой кукле, ставшей частью непоправимо утраченного, по виду, открывающемуся из окна твоего кабинета, по улице, по которой ты ходила в школу, по соседнему овощному магазину.

С наступлением ночи тебя начинают посещать кошмары, связанные с расстоянием между тобой и теми, кого ты любишь, и всем, что знакомо и дорого. Твой партнёр старается приспособиться, поэтому он не хочет слышать твои вздохи и сетования, твоё чувство потерянности. Твои отношения с ним постепенно рушатся, будучи не настолько прочными, чтобы выдержать ещё и этот дополнительный груз. Таким образом, ты становишься ещё более одинокой. Ты стараешься выкроить бытие в новой среде. Ты пишешь на языке, который никто не может прочесть, начинаешь публиковаться в эмигрантской прессе и становишься поэтом.

Нина Косман. Сестрёнка поймала сестру за косицу.
Холст, акрил, 13X18.

Вначале ты пишешь о своём остром чувстве утраты – типичная эмигрантская тема, но твоё сердце постепенно перемещается в такие

области, куда за тобой вряд ли сможет легко последовать твоя старая аудитория. Твои следующие книги приводят тебя в более универсальные сферы, исследуют новые горизонты, в поисках замещения и в тесной связи с трансцендентальной истиной, внутренним и метафизическим домом, которые незнакомы и даже враждебны чешской литературе, занятой, как это часто бывает, сатирическим презрением к тоталитарному режиму и общим разложением ценностей. Твой шкаф всё больше и больше заполняется письмами, дневниками и стихотворениями. В течение ряда лет ты неустанно пишешь – часто своим родителям и старым друзьям. Тем не менее, ты создаёшь новую жизнь, изобретаешь новую идентичность. Поскольку все старые контексты исчезли, теперь ты можешь экспериментировать с некоторыми новыми, будоражащими воображение. Потеряв всё, ты обретаешь свободу развиваться в областях, которых иначе никогда бы не коснулась, будь они духовными, художественными, интеллектуальными или физическими. Это делает твою жизнь очень динамичной и экспансивной. Но ты всегда какая-то другая, и ты всегда чувствуешь себя одинокой. Люди, которые приходят в твою жизнь в твоей новой стране, отличаются от твоих друзей дома, часто они эмоционально травмированы так же, как и ты, или социально ограничены в обществе, в котором ты живёшь. Это ещё больше усиливает чувство изоляции, которое ты испытываешь.

Если мы чувствуем себя вынужденными покинуть нашу родную среду, что-то в нас явно ломается. Это почти как потеря невинности, как если бы мы не могли больше положиться на самые основные ценности в мире, который нас окружает. Для меня это произошло ещё до моего рождения. Оба моих родителя были вынуждены спасаться бегством из Чехословакии во время гитлеровской оккупации страны, чтобы спасти свои жизни. Правда, они вернулись после войны, надеясь создать новую жизнь. Но что ждало их? Их собственность была безвозвратно украдена немцами, их друзьями или сослуживцами, которые больше не ожидали их возвращения, а недвижимость, позже – коммунистическим правительством. В течение многих лет им не разрешалось работать в соответствии с их квалификацией, и они даже не могли вернуться в квартиру, где жили до войны, или легко снять другую. Вместо этого, они какое-то время жили в коммунальной квартире в Судетах (пограничный район), где я родилась, а потом в маленькой однокомнатной квартире в Праге. Им потребовалось четыре года, чтобы получить хотя бы двушку. Из всего прежнего имущества только несколько предметов мебели и несколько картин были спасены и возвращены мужественной и честной подругой моей матери. Инновационный автомобиль моего отца, который он собственными руками построил в своей мастерской, скрипка Амати моей матери, их

семейный дом в Млада-Болеславе и многие десятины земли, а также их личные сбережения были украдены и никогда не возвращены. Но все эти потери были ничтожными в сравнении с двадцатью шестью членами их семьи, убитых нацистами.

С эмоциональной точки зрения эмиграция – это, в сущности, трагический опыт. Ты чувствуешь, что прямо или косвенно исключён из родной страны, что тебя повторно обкрадывают и не очень приветствуют твоё возможное возвращение, и это оставляет у тебя шрамы на сердце. Одновременно ты ощущаешь, что встречают тебя неохотно, что ты не можешь вписаться в действительность в стране пребывания (так называемой стране выбора), и это тоже оставляет неизгладимый след в твоей душе. Конечно, можно создать что-то другое, можно найти признание в другом месте, но это на порядок сложнее и никогда не бывает так, как было прежде. Человек воодушевлён, когда получает признание «в широком мире», но он печалится, когда его игнорируют или с ним плохо обращаются в родной стране. Какая-то часть души всегда стремится вернуться туда, откуда она пришла. Двойная природа, которую мы приобретаем как изгнанники, никогда нас не покидает. У нас – две шкалы ценностей, и мы чувствуем себя несколько шизофренично, с двумя личностями, коренной и приобретённой. У нас – две группы друзей, и у некоторых из нас – две карьеры. Значительная часть нашей жизни прошла за границей, и новая страна, в которой мы поселились, стала нашим вторым домом, от которого, спустя некоторое время, так же трудно отказаться, как и от первого. Должны ли мы вечно перемещаться между нашими двумя домами? Возможно, у нас нет другого выбора: этот вечный раскол стал уже нашей сущностью. Может быть, это и есть наш истинный дом. Нежелание ограничивать себя только одной страной, одной культурой и одним взглядом на вещи.

...В заключение я хотела бы сказать, что эмиграция может быть также великим даром. Это обогащающий опыт. Он позволяет нам иметь более чем одну жизнь, более чем одну страну, более чем одну культуру, более чем один взгляд на политическую и культурную реальность. Эмиграция служит даром широкого кругозора и может помочь нам отбросить расовые и культурные предрассудки. Таким образом, в эмиграции, одновременно с отчуждением и вытеснением изгнанников, столь характерными для жизни в XX-м веке в целом, приходит большая свобода и большая подлинность. Каждый эмигрант должен не только упорно бороться, чтобы состояться в новой, чужой для себя культуре, – он не может опереться на культурные коды, семью и друзей, чтобы почувствовать себя успешным. Ему приходится полагаться исключительно на то, кем он является на самом деле, – как в профессиональной, так и в личной жизни.

Как фактор социальный, эмиграция оказала огромное влияние на сегодняшний мир. Больше, чем что-либо другое, она помогает людям преодолевать кордоны, глобализоваться, стирать границы между отдельными мирами. Это чрезвычайно важный катализатор для перекрестного опыления, превращающий мир в один большой плавильный котел. Таков над-политический смысл эмиграции, её космическая роль, если так можно выразиться. Эмиграция в значительной степени ответственна за то, чтобы даже самое периферийное местное население было осведомлено о том, что где-то есть что-то ещё, помимо их маленького мира; и не только потому, что они слышат об этом в новостях, но и потому, что они встречают реального человека, который несёт другие ценности, привычки, имеет другой взгляд, верит в другие вещи, ведёт себя по-другому.

...Наконец, есть ещё один аспект эмиграции, с которым обычно её не ассоциируют. Когда мы живем в туземной общине, мы принимаем очень многое как должное, от звуков, которые мы слышим, когда открываем глаза утром, до тона голоса таксиста, когда он говорит нам, сколько мы ему должны. Мы сталкиваемся с одной и той же детской литературой, с песнями, которые живут в нашем подсознании и напоминают нам о первых юношеских пробуждениях. Как изгнанники, мы всё это внезапно потеряли и имеем очень мало общего на поверхности с людьми, которые теперь нас окружают. Именно тогда мы осознаем, что есть гораздо более важные вещи, чем те, к которым мы так естественно привязаны. Характер, честность, врожденный интеллект, порядочность, доброта, открытость, готовность помочь другому в беде, любовь ... Эмиграция делает нас людьми с большим сердцем. Таким образом, если она не ломает нас, она, как это ни парадоксально, делает нас более человечными.

Иногда кажется, что именно те, кто не был вынужден претерпеть подобный процесс «очеловечивания», живут в изгнании – в эмиграции от самих себя. Таким образом, само понятие эмиграции многогранно и может рассматриваться с самых разных точек зрения. Всё зависит от того, видим ли мы себя изнутри или снаружи. То, что кажется эмиграцией извне, на самом деле является возвращением внутрь, а то, что кажется родным домом извне, оказывается внутренней эмиграцией. Это было верно даже в политическом смысле слова.

Если вы не были готовы рисковать тюремным заключением или, по крайней мере, увольнением из своей профессии, вам нужно было жить в качестве изгнанника внутри родной страны в форме притворства, чтобы выразить определённые мнения или ценности снаружи, веря другим ценностям внутри. Если вы осмелились быть честным, вы снова жили в изгнании, подвергаясь на этот раз остракизму со стороны остального населения и властей, которые часто лишали вас

работы, а иногда и свободы. Таким образом, эмиграция, как мы обычно о ней думаем, – это лишь самое крайнее воплощение того, что происходит в нашей повседневной жизни в любом типе репрессивного государства и даже в так называемых «свободных». Хотя западные государства нельзя сравнивать с коммунистическими или нацистскими по степени подавления свободы, они также загоняют часть своего населения во внутреннюю ссылку из-за растущей бюрократизации и монополизации.

Если подытожить, я могу сказать, что на этом этапе жизни переживаю свою эмиграцию многоуровнево, как бесконечное состояние ума. В социальном смысле слова, я с гордостью могу заявить о своём статусе эмигранта. Я благодарна ему за то, что он помог открыть мою универсальную сущность и понять, что именно там находится мой истинный дом.